

Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire / J.K. Rowling. – Bloomsbury Publishing. Printed in Great Britain by Clays Ltd, St Ives plc, 2003. 270 p.

Болотнова Н.С. О связи регулятивной и концептуальной структур поэтического текста // Вестник ТГПУ. 2006. Выпуск 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С.108-113.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. М: Флинта: Наука, 2009. С.388.

Ваганова И.Ю. Языковая игра в ментальных пространствах произведений художественной фантастики: на материале творчества А. и Б. Стругацких дис. ... канд. филол. наук: Екатеринбург, 2009. 23 с.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград. Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.

Пропт В.Я. Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.

О.Н. Васильева (Россия, Уфа)

ЯЗЫКОВЫЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В РАССКАЗЕ В.С. МАКАНИНА «ЧЕЛОВЕК СВИТЫ»

Традиционно интертекстуальность исследуется в рамках *широкого* и *узкого* подходов (см. Баженова 2003, Воронцова 2004, Глушак, Мирский 2007 и др.). Другими словами, выделяют:

1) универсальную интертекстуальность, что позволяет соотнести все тексты между собой (широкий подход);

2) актуализированную интертекстуальность, когда текст содержит явные отсылки к каким-либо другим текстам (узкий подход).

В данном исследовании мы придерживаемся узкого подхода к понятию *интертекстуальность*, позволяющего изучать и описывать маркированные языковые единицы на различных уровнях языка.

Мы согласимся с Е.Н. Золотухиной [Золотухина 2009], понимавшей под *интертекстуальностью в языке* «соположение в определенной языковой форме (тексте, предложении, словосочетании, слове, морфеме, звуке, букве) двух или более разных текстов (отражающих разные дискурсы) с целью ожидаемого узнавания интертекстуальности читателем (слушателем).

Формой выражения языковой категории интертекстуальности является *интертекстема*, или *интертекстуальная единица* (ИЕ).

Под интертекстемой, или ИЕ, мы понимаем форму выражения языковой интертекстуальности, которая намеренно (или ненамеренно) включается автором в повествование для передачи намека на иной текст.

Эта форма может быть представлена на разных языковых уровнях (текст, предложение, словосочетание, слово, морфема, звук, буква).

В данной статье мы придерживаемся классификации Е.Н.Золотухиной, которая выделяет различные уровни выражения категории языковой интертекстуальности, опираясь на традиционно выделяемые уровни языка. Один из таких уровней – **собственно синтаксический**, в котором интертекстуальность выражается в предложении (простом и сложном) или нескольких предложениях. Интертекстема отсылает читателя к прецедентному высказыванию. Ср.: *С глаз долой, даже и не всплыв* ([Маканин: 92]; ПТ – «с глаз долой, из сердца вон», пословица); *защита защите рознь* ([Маканин: 119]; ПТ – «дело делу рознь», пословица); *проиграть так проиграть* ([Маканин: 151]; ПТ – «гулять так гулять»).

Весьма распространенной в рассказе «Человек свиты» является интертекстуальность на **лексическом** уровне. Она выражается в слове, словосочетании, фразеологизме. Интертекстуальные слова, словосочетания, фразеологизмы отсылают читателя к прецедентным именам собственным (онимам) или иным нарицательным лексемам языка (не-онимам). В соответствии с этим сами словные интертекстемы делятся на две группы:

1. **Онимы**: *чаепитие-один* и *чаепитие-два* ([Маканин: 88]; ПТ – «чаепитие», «один», «два»; названия чаепитий по порядку их проведения).

2. **Не-онимы**: *визит-наезд*, *визит-наскок* ([Маканин: 112]; ПТ – «визит», «наезд», «наскок»; намек на цель приезда директора), *мысль-предложение* ([Маканин: 114]; ПТ – «мысль», «предложение»), *человеки*, *нечеловеки* ([Маканин: 138, 150]; ПТ – «человек», «люди»), *трясь (щекой)* ([Маканин: 157]; ПТ –

«хрясь», «трясти» ‘удар от вмешательства постороннего’), *пронюнил* ([Маканин: 106]; ПТ – «нюни», «проговорить»).

К фразеологизмам, функционирующим на лексическом уровне интертекстуальности, мы относим весь пласт русской фразеологии. Ср.: *от отпуска до отпуска* ([Маканин: 116]; ПТ – «от звонка до звонка» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм), *(не желая) шевельнуть рукой* ([Маканин: 120]; ПТ – «пальцем не шевельнет» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм), *в пяти шагах (от директора)* ([Маканин: 120]; ПТ – «в двух шагах» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм), *(сделался обижен на) многое и на многих* ([Маканин: 102-103]; ПТ – «все и вся» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм).

Интертекстуальность в «Человеке свиты» обнаруживается и на **фонетическом уровне**. Этот уровень представляет собой интертекстуальность, выраженную в звуке. Ср. речь заикающегося человека: *М-мне л-лично все равно, в-выби-рай-те* [Маканин: 132], *я ж не ж-ж-женщина* [Маканин: 134]; речь пьяного Родионцева: *Вы... выпей*. [Маканин: 149] *М-м; Бы-бы. (Бы-ло.)* [Маканин: 150]; речь пьяного молодого человека на улице: *Зызы-вез-доч-ка-а-а!* [Маканин: 154].

Претексты, функционируя в языковом пространстве, обычно подвергаются различного рода модификациям. Жизнь претекстов в языке предполагает их вариантность, т.е. «замену слов-компонентов, изменение синтаксической структуры словосочетания, разнообразные семантические вариации и т.п.» [Сидоренко 1995: 98 - 102].

Е.Н. Золотухина выделяет следующие **механизмы образования сверхсловных интертекстем**: лексико-семантические трансформации претекста, словообразовательные, морфологические, синтактико-семантические, синтактико-графические, контаминация трансформаций претекстов.

I. Под **лексико-семантическими преобразованиями претекста** мы понимаем замены в его компонентном составе. На различного рода замены влияют ассоциативно-парадигматические связи и отношения в лексико-семантической подсистеме языка [Третьякова 2000: 248 – 251; Бондаренко 2001: 10 – 11]. В силу этого замещение обычно осуществляется с учетом парадигматических связей замещаемой единицы. Часто это квазисинонимические, квазиантонимические, паронимические (включая паронимазы) замены, а также замещения в пределах тематической группы или ассоциативно-семантической близости лексем.

Замена в составе интертекстемы при образовании интертекстемы «оказывается связанной как с условиями нового контекста, так и с личностными особенностями цитирующего» [Шейдаева 2001: 293], поэтому достаточно часты ассоциативно-семантические замены, когда субституированные лексемы (или их сочетания) имеют очень отдаленную общность в семантике.

1. Квазисинонимические и синонимические замены

Ср.: *(Сделался обижен на) многое и на многих* ([Маканин: 102-103]; ПТ – «все и вся» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм; квазисинонимы *все – многое, вся – многих*); *дело зовет* ([Маканин: 112]; ПТ – «труба зовет», квазисинонимы *труба – дело*).

2. Квазиантонимические и антонимические замены

Ср.: *Отворот судьбы* ([Маканин: 100]; ПТ – «поворот судьбы», квазиантонимы *поворот – отворот*).

3. Замены в пределах тематической группы

Ср.: *(неприятное и унижающее) подступало к глазам* ([Маканин: 121]; ПТ – «подступать к горлу» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм; замена *горло – глаза*, тематическая группа «части тела»).

4. Ассоциативно-семантические замены

Ср.: *от отпуска до отпуска* ([Маканин: 116]; ПТ – «от звонка до звонка» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм; замена *звонки – отпуск*).

II. **Словообразовательные трансформации претекста**

Данный механизм заключается в том, что форма компонентов интертекстемы, по сравнению с претекстом, меняется вследствие словообразовательных процессов.

Ср.: *Словцо за словцом* ([Маканин: 115]; ПТ – «слово за слово» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм; трансформация *слово – словцо*), *язычок прикусить* ([Маканин: 128]; ПТ – «язык прикусить» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм; трансформация *язык – язычок*); *язык-то без костей* ([Маканин: 116]; ПТ – «язык без костей» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм; трансформация *язык – язык-то*), *все-то и дел* ([Маканин: 105]; ПТ – «все и делов» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм; трансформация *все – все-то, делов – дел*).

III. Морфологические трансформации претекста

В данном случае меняются грамматические категории (рода, числа, наклонения и т.д.) лексем претекста. К этому механизму относятся также замещения в пределах местоимений и служебных частей речи.

1. Замены грамматических категорий

Ср.: *пособирай крошки со стола* ([Маканин: 129]; ПТ – «собирать крошки со стола», замена категории наклонения *собирать* – *пособирай*).

2. Замены в пределах местоимений и служебных частей речи

Ср.: *по памяти стали перебирать* ([Маканин: 107]; ПТ – «перебирать в памяти» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм; замена предлога *в* на *по*).

IV. Синтактико-семантические трансформации претекста

Синтактико-семантический механизм преобразования претекста включает следующие приемы: расширение, усечение, перестановка компонентов внутри претекста, изменение его синтаксического членения, контаминация претекстов.

1. Расширение компонентного состава претекста.

Данный прием заключается в возможности распространения претекста лексемой или несколькими лексемами, необходимыми в данной контекстной ситуации, а также в произвольном, часто фрагментарном воспроизведении претекста с использованием новой синтаксической конструкции (нестандартное распространение претекста).

а) вставка одного или нескольких слов.

Ср.: *ставит на Родионцеве крест* ([Маканин: 84]; ПТ – «ставить крест» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм; вставка *на Родионцеве*), *о том и о сем* ([Маканин: 80]; ПТ – «о том о сем», вставка *и*), *ловит себя на совсем уж простой мысли* ([Маканин: 141]; ПТ – «ловить себя на мысли» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм; вставка *совсем уж простой*), *такова, мол, жизнь* ([Маканин: 151]; ПТ – «такова жизнь», вставка *мол*), а потом, вероятно, суп с котом ([Маканин: 149]; ПТ – «а потом суп с котом», вставка *вероятно*), *глазки им, плановичкам, строил* ([Маканин: 123]; ПТ – «строить глазки», вставка *им, плановичкам*), *(в ожидании всяких прочих неприятностей и) бед, которые, как известно, в одиночку не ходят* ([Маканин: 83]; ПТ – «беда в одиночку не ходит», вставка *которые, как известно*).

б) нестандартное распространение претекста.

Ср.: *он весь внимание и слух (внутренний)* ([Маканин: 105]; ПТ – «весь внимание»).

2. Усечение компонентного состава претекста.

Данный прием становления интертекстемы подразумевает усечение претекста.

а) усечение конечной части претекста.

Ср.: *у сильных мира* ([Маканин: 121]; ПТ – «сильные мира сего» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм; усечение *сего*), *лишь бы с плеч* ([Маканин: 85]; ПТ – «с плеч долой» [ФСРЛЯ 2008], фразеологизм; усечение *долой*).

б) усечение средней части претекста.

Ср.: *прошедшую огонь, и воду, и трубы* ([Маканин: 131]; ПТ – «пройти огонь, воду и медные трубы», усечение *медные*).

в) усечение начальной и конечной частей претекста.

Ср.: *теперь уж, конечно, аукнется* ([Маканин: 122]; ПТ – «как аукнется, так и откликнется», пословица; усечение начала претекста *как* и его конечной части *так и откликнется*).

3. Перестановка компонентов внутри претекста.

Ср.: *как в добрые старые времена* ([Маканин: 124]; ПТ – «как в старые добрые времена», перестановка *старые – добрые*), *там и здесь* ([Маканин: 128, 151]; ПТ «здесь и там» [ФСРЛЯ 2008]).

Литература

Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 104 – 108.

Бондаренко В.Т. О смеховой функции русской фразеологии // РЯШ, 2001. № 3. С. 74 – 76.

Воронцова Ю.А. Реминисценции в средствах современной массовой информации : дисс...канд. филол. наук. Белгород, 2004. 236 с.

Глушак Т.С., Мирский А.А. Интертекст и интертекстуальность // Дискурсивный континуум: Текст – интертекст – гипертекст: Мат. Всерос. науч. конф. Самара, 2007. С. 40 – 47.

Золотухина Е.Н. Категория интертекстуальности в современном русском языке: дисс. ...канд. филол. наук. Калуга, 2009. 207 с.

Маканин В.С. Река с быстрым течением: сборник. М.: Эксмо, 2009. 352 с.

Сидоренко К.П. Скрытая цитата // РЯШ. 1995. №2. С. 98 – 102.

Третьякова И.Ю. Активные модели окказионального фразообразования // Фразеология – 2000: Материалы Всерос. научн. конф. Тула: Изд-во ТГПУ, 2000. С. 249 – 251.

Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878, [2] с.

Шейдаева С.Г. Номинация во вторичных текстах // Русский язык: исторические судьбы и современность. Междунар. конгресс. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 293.

М.Н. Везерова (Россия, Самара)

СИГНАЛЫ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПОРТРЕТНЫХ СТИХОТВОРЕНИЯХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Актуальность решения вопросов, связанных с кодированием/ декодированием текста, в процессе развития лингвистики, лингвостилистики с годами не тускнеет, т. к. не может останавливаться развитие познавательных потенций человека, не может быть утолена жажда познания, стремление проникнуть в тайны и загадки той информации, которая скрывается в текстах (ведь среда обитания текста – культура), а среди них особое место занимают художественные тексты – носители эстетической информации.

В настоящий период, характеризующийся полипарадигмальностью отечественной лингвистики, взаимопроникновением разных направлений, разных ответвлений науки о языке, наблюдается их взаимообогащение. Глубоко проанализировано, убедительно показано взаимодействие семасиологии и лингвокогнитивистики, в частности, в одной из работ Н.А. Илюхиной. Как пишет автор, «в недрах семасиологических концепций заложены основания современных теорий концепта: лингвокогнитивной, лингвокультурологической, ориентированных на этнолингвистику, на идиостиль, на тип дискурса и т. п.» [Илюхина 2009: 36]. Это не могло не сказаться позитивно на методике анализа художественных текстов, в целом на лингвостилистике. В коммуникативную стилистику широко проникают антропологические и когнитивные идеи, открывая новые горизонты для толкования, анализа художественных текстов, их семантического пространства.

Текст в настоящий период понимается, по словам Е.С. Кубряковой, как «событие и семиотическое, и лингвистическое, и коммуникативное, и культурологическое, и когнитивное и т. д.» [Кубрякова 1994: 23], так что подход к его пониманию и к его анализу не может быть неинтегративным. Его семиотический характер требует выявления кодовых знаков, поиска ключей к смыслу текста, а они всегда есть в нем в связи с его коммуникативной природой и ориентацией на адресата. По отношению к кодовым знакам в художественных текстах Н.С. Болотнова, ссылаясь на работу Ю.А. Филиппева, использует выражение «сигналы эстетической информации». Такие сигналы реализуют способность художественной структуры переходить в «психологический код» [по Филиппеву 1971: 59]. Н.С. Болотнова пишет: «Структурирование сигналов эстетической информации определяется коммуникативным намерением автора – его интенцией, творческим замыслом» [Болотнова 2002: 138].

Цитируемый автор под кодом текста понимает «коммуникативно значимую информационную систему различных сигналов» [с. 138]. При этом, опираясь на типы информации, передаваемой текстами, обычно выделяют разные текстовые коды. В соответствии с уровнем концептуально-содержательной и подтекстовой информации (по теории И.Р. Гальперина) Н.С. Болотновой выделяются эстетический код (идеи, концепты), коммуникативный, образно-культурологический, эмотивный (эмотивы, их динамика) [с. 139].

Анализируя далее сигналы эстетической информации в ряде портретных стихотворений М. Цветаевой, мы будем соотносить текстовый материал с этими кодами.

Подход к выявлению, интерпретации сигналов эстетической информации в статье избирается, в первую очередь, лингвокогнитивный. Но, естественно, он будет связан и с семасиологическим при толковании как кодовых используемых автором лексических единиц.